

Дэвид Бейли

ВЛИЯНИЕ ЗАБЛУЖДЕНИЙ: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЭЛИТ И ПРОВАЛ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНСТИТУЦИИ¹

ВВЕДЕНИЕ

Голосование против европейской конституции на референдумах во Франции и Нидерландах в мае и июне 2005 года стало еще одним проявлением известного общественного недовольства или неприятия Европейского Союза (ЕС) — важной составляющей сохраняющейся проблемы легитимации ЕС (Lord and Beetham, 2001; Eriksen and Fossum, 2004; Mather, 2006)². После принятия Закона о единой Европе, запустившего очередной раунд европейской интеграции, европейская политическая элита всеми силами пыталась убедить население в ценности и легитимности все более сильного наднационального слоя политического управления в Европе. Помимо французского и голландского голосования против конституции, мы имели возможность наблюдать еще несколько проявлений общественного недовольства, включая французское «*petit oui*», падение явки на выборах в европейский парламент, «нет» европейской интеграции на референдумах в Дании, Ирландии и Швеции и уровень поддержки ЕС, едва превышающий 50%. Кроме того, многие попытки ответить на такие проявления недо-

1 David Bailey, «Misperceiving Matters: Elite Ideas and the Failure of the European Constitution», *Comparative European Politics*, 2008, vol. 6, no. 1, p. 33–60.

2 Я признателен анонимным респондентам, которые приняли участие в этом опросе. Кодированный файл SPSS с результатами опроса может быть предоставлен после соответствующего запроса. Я также признателен за крайне полезные замечания, сделанные участниками семинара «Картографирование взглядов элит» (Европейский консорциум политических исследований), особенно Эндрю Гэмблом, Брюно Котре и Беном Клифтом. Мне бы хотелось поблагодарить за советы и замечания Саори Шибата, Хью Бохеля, Сару Мота, трех анонимных рецензентов, а также Бена Розмонда за его редакторские замечания. Это исследование проводилось на отделении политических наук и государственного управления Университета Лимерика и в школе языковедения и социальных наук Астонского университета. Вся ответственность за ошибки лежит исключительно на мне.

вольства на самом деле только усилили неприятие в обществе европейской интеграции. И европейская конституция с самого начала должна была стать средством решения некоторых проблем легитимности, с которыми сталкивается ЕС (об этой повторяющейся кризисной тенденции см.: Bailey, 2006). Таким образом, опыт показывает, что существуют серьезные препятствия на пути к созданию легитимного и популярного ЕС. В настоящей статье рассматривается источник этих препятствий, и особое внимание уделяется представлениям европейской политической элиты³ как возможному препятствию для легитимации ЕС. Особое место в ней также занимает интерпретация французского и голландского референдумов по европейскому конституционному соглашению.

КРИТИЧЕСКИ РЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ИДЕЙ (ЭЛИТЫ)

Формирование и влияние идей и представлений стало важным элементом исследования в современной политической науке (см., напр.: Hall, 1993; Blyth, 2002; Bevir and Rhodes, 2003; Finlayson et al., 2004; Hay, 2004; Quaglia, 2005) и такой субдисциплине, как исследования ЕС (см., напр.: McNamara, 1998; Kohler-Koch, 2000; Christiansen et al., 2001; Checkel, 2001; Hooghe, 2002). Эти подходы объединяет общее представление, что идеи играют важную роль в политических процессах и понимании политических результатов. Задача ученых, работающих в рамках этой «идейной» традиции, состоит в описании формирования и влияния общих идей, дискурсов и систем представлений в определенных политических сообществах. В основе этого лежит представление о том, что субъективность является социальным феноменом, а значения и интерпретации частично формулируются в социальной среде. Например, Вэвер утверждает, что «исходить в исследовании из „данных“ субъектов или объектов всегда проблематично, так как они конструируются дискурсивно, и изучать нужно, прежде всего, этот процесс конституирования» (Wæver, 2004, 198). В рамках этого широкого «идейного» подхода существует группа ученых, развивающих более жесткий объяснительный метод, приписывающий идеям каузальную роль в объяснении политических результатов (см., напр.: Blyth, 1997; Verman, 2001; Hay, 2004; Ryner, 2004). С этой точки зрения, для понимания политических действий и придаваемого им значения нужно не только понимание формирования общих систем представлений. Каузальным влиянием наделяются только определенные идеи, способные взаимодействовать с социальной реальностью и, следовательно, влиять на нее. По словам Колина Хея (Hay, 2004), «нас должен волновать не столько процесс понимания *per se*, сколько роль, которую играют определенные взгляды в мотивировании политического поведения опре-

3 В настоящей статье под членами европейской политической элиты понимаются крупные акторы, участвующие в принятии решений на уровне ЕС, включая представителей стран-членов, членов Европейской Комиссии и Европейского Парламента (схожая точка зрения высказывается в: Hooghe, 2003).

деленных участников» (р.147). Следовательно, этот подход стремится объяснить политические результаты с точки зрения представлений, которых придерживаются участники, создающие их. Так, хотя такие идеи являются представлениями о социальной реальности, они также могут оказывать каузальное воздействие *на* форму, которую принимает реальность. В этом смысле идеи — это не просто значения, которые придаются определенным дискурсам, они составляют также аналитическую или «стратегическую» основу для интенционального человеческого действия, которое создает социальный мир, каким мы воспринимаем его (подробнее об этом см.: Нау, 2002, 194–215).

Это представление, что идеи оказывают каузальное воздействие на реальность, изложенное Хеем, опирается по большей части на критически реалистическую философию социальных наук (КР) (приложение этого подхода в политической науке см.: Нау, 1995, 2002; McAnulla, 2005; O'Reilly, 2005; ключевые тексты КР: Bhaskar, 1975, 1998; Sayer, 1992). Для нашего исследования важно, что с точки зрения КР социальная реальность воспроизводится благодаря совокупной деятельности социально укорененных индивидов, *которая основывается на их представлениях об этом обществе*. Таким образом, каждое действие основывается на совокупности представлений о вероятном влиянии этого действия на социальную реальность, которая является важной составляющей процесса, определяющего (вос) производство самой этой реальности. Следовательно, социальная реальность считается «зависимой от концептов», потому что она частично основывается на представлениях, которых придерживаются о ней индивиды. Так, согласно Бхаскару, «социальные структуры существуют только благодаря деятельности, которую они определяют, они не существуют независимо от представлений, которыми обладают агенты, относительно того, что они делают в своей деятельности, то есть некой теории этой деятельности» (Bhaskar, 1998, 38). С другой стороны, социальная реальность также считается независимой от знания. Это значит, что социальные объекты (в том числе и идеи) могут быть более или менее точно познаны. И с точки зрения критического реализма именно этот независимый от знания статус реальности составляет основу для научной деятельности. Проведение социального научного исследования предполагает, что существующее знание о социальном мире является неполным или даже потенциально ошибочным, и задача этого исследования состоит в достижении более точного объяснения социального мира (это отличается от некоторых релятивистских утверждений, характерных для социального конструктивизма и некоторых дискурсивных подходов; см.: Patomäki and Wight, 2000).

Как только мы признаем, что знание о социальной реальности может отличаться от «действительной» реальности, мы понимаем, что люди могут совершать определенные действия на основе ошибочной информации или неверного восприятия. В этом случае мы, скорее всего, будем видеть разрыв между преднамеренными и действительными результатами (или производством преднамеренных следствий, но по иным причинам, чем счита-

ет агент; *Нау*, 2004, 147–149). Таким образом, попытка социологов улучшить существующее знание социальной реальности может помочь агентам и создать основание для деятельности, которая сможет улучшить существующие социальные структуры. Это особенно касается ситуаций, когда обыденное неверное восприятие можно объяснить *с точки зрения* социальных отношений, в которые включены те, кто придерживается неверных представлений (Bhaskar, 1998, 48).

Цель настоящего исследования состоит в развитии некоторых идей КР для рассмотрения возможных «идейных» причин сложностей, испытываемых европейской политической элитой в попытке разрешить проблему легитимации ЕС. Эти идеи составляют основу для действий, которые, в свою очередь, (вос) производят социальные структуры, из которых возникают такие идеи / действия. С этой точки зрения, мы можем рассматривать сохраняющуюся неспособность представителей политической элиты ЕС разрешить кризис легитимности как *возможное* следствие неполного или неверного знания или ошибочного восприятия социального ландшафта, в котором пытаются действовать представители элиты. И настоящее исследование показывает существование разрыва в отношении к процессу европейской интеграции со стороны элит и остального населения, способного объяснить неспособность первых создать политическое сообщество, которое последние признают легитимным. Так, результаты исследования показывают, что сторонников европейской интеграции среди элит вдвое больше, чем среди европейской общественности (Nix, 2005, 165). Подобным образом Флокхарт (Flockhart, 2005) обнаруживает большую готовность представителей датской политической элиты к принятию «европеизированной» идентичности, чем у представителей остального датского общества. Кроме того, Худж (Hooghe, 2003) выявил более высокий уровень поддержки политики ЕС среди элиты, особенно в вопросах «суверенитета», в отличие от «перераспределительной» политики. Учитывая, что европейская политическая элита больше склонна поддерживать европейскую интеграцию (особенно если сохраняется существующий подход к распределению ресурсов), можно ожидать, что, в отличие от европейского общества, элита также будет хуже замечать проблемы или недостатки нынешней политической системы. Кроме того, учитывая, что существующее европейское сообщество наделяет представителей европейской политической элиты немалыми полномочиями, мы можем, отталкиваясь от описанного выше критически-реалистического подхода, предложить объяснение этого изъяна с точки зрения социальных отношений, которые образуют европейское сообщество. Так, менее критическая природа представлений элиты о европейском сообществе сама по себе может быть составляющей опыта деятельности *членов* элиты, созданной самим этим сообществом. Рабочая гипотеза, которая лежит в основе этого исследования, состоит в том, что недооценка (или неверное понимание) европейской политической элитой препятствий для легитимации европейского политического сообщества обусловлено положением, которое она занимает в этом политическом сообществе, объясняя тем самым сохраняющиеся проблемы

с легитимацией ЕС. В настоящем исследовании мы пытаемся проверить эту гипотезу, рассмотрев, как непринятие европейской конституции было воспринято членами европейской политической элиты.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЭЛИТ И НЕПРИНЯТИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНСТИТУЦИИ: НЕВЕРНО ПОНЯТАЯ РЕАЛЬНОСТЬ?

Развивая рабочую гипотезу, изложенную выше, настоящее исследование показывает, каким образом члены политической элиты Европы интерпретировали французское и голландское голосование против европейской конституции на референдумах 2005 года. Это важное конкретное исследование того, как члены европейской политической элиты воспринимают представления и потребности европейского населения и какой они видят легитимацию ЕС (и препятствия, стоящие у нее на пути). В следующем разделе кратко излагаются причины французского и голландского голосования против конституции, а затем приводятся результаты опроса, призванного выделить представления европейской политической элиты о мотивах, побудивших население проголосовать против проекта конституции.

Общая канва

Из-за неспособности достичь приемлемого соглашения во время переговоров об Амстердамском соглашении и соглашении в Ницце, на Европейский конвент возлагалась задача улучшения демократии, прозрачности и эффективности ЕС (European Council, 2001). Отчасти это было ответом на воспринимаемое недовольство ЕС со стороны европейской общественности, особенно в свете ирландского голосования против Соглашения в Ницце и отставки комиссии Сантера. Так, Совет ЕС в Лаакене отмечал:

Граждане, несомненно, поддерживают общие цели Союза, но они не всегда видят связь между этими целями и повседневной работой Союза. Они хотят, чтобы европейские институты были менее громоздкими и косными и, прежде всего, более эффективными и открытыми... Но еще более важно, что они ощущают, что решения принимаются без их участия и они желают большего демократического надзора (European Council, 2001).

Тем не менее Конвент воспроизводил немало проблематичных практик, которых изначально стремился избежать. Так, Конвент оставался типично элитарной и иерархической организацией, включавшей (представителей) национальных правительств, национальных парламентов, Европейской комиссии, членов Европейского парламента, а во главе его находился Валерии Жискара д'Эстеном, который «председательствовал во всем блеске величия, используя все свои регалии и опыт для того, чтобы вызвать благоговение у делегатов» (Dinan, 2004, 28). Кроме того, последующие межправительственные разногласия относительно содержания проекта соглаше-

ния сделали конституцию еще более элитарной. Некоторые исследователи (Magnette and Nicolaidis, 2004) даже утверждают, что эти межправительственные переговоры были даже важнее обсуждения на самом Конвенте.

Во время кампании, которая привела к французскому референдуму, основные политические партии во Франции выступали за ратификацию конституционного соглашения, а крайне правые и крайне левые партии выступали против него (и это отражало общую для всех европейских партий тенденцию; см.: Hooghe et al., 2002). В результате, форму кампании определили важные внутривластные факторы (Taggart, 2006), хотя к спорным факторам относились общеевропейские проблемы, вроде непопулярности Европейской комиссии, директивы Болкештейна, экономическая миграция восточноевропейских рабочих во Францию, принцип свободной торговли и приверженность «внутреннему рынку, конкуренция на котором является свободной и неискаженной» (Art. I: 3–2), и текст самой конституции (Milner, 2006; Hainsworth, 2006; Ivaldi, 2006). На итоговом голосовании 55% голосов было отдано против конституции при 70%-й явке.

В случае с голландским референдумом, конституция также получила широкую поддержку голландской политической элиты с тремя правящими партиями — христианскими демократами, либералами и демократами 66 — и двумя оппозиционными партиями — Партией труда и зелеными левыми, — выступившими за соглашение (эти партии суммарно представляли 85% мест в нижней палате парламента Нидерландов). Это отражало национальный разрыв между проевропейской голландской политической элитой и более колеблющимся, неосведомленным и апатичным населением (Aarts and van der Kolk, 2006). Кампания за конституцию была относительно слабой на первых этапах дебатов, что позволяло сторонникам голосования против конституции утверждать, что европейская интеграция развивалась слишком быстро и представляла угрозу для национальных интересов и национальной идентичности. Поэтому сторонникам конституции пришлось занять оборонительную позицию и сосредоточиться на опровержении заявлений, сделанных противниками конституции. Этот слабый старт продолжился рядом ошибок кампании «за», в которой заявления, что голосование «против» создаст угрозу послевоенному миру в Европе, вызовет спад или повторение событий, подобных тем, что произошли в нацистской Германии или во время балканского конфликта, создали образ паникующей и не контролирующей ситуацию политической элиты, ни во что не ставящей мнение избирателей (Harmsen, 2005; Qvortrup, 2006, 92–93). На итоговом голосовании 61,5% голосов был отдан «против» конституции при явке в 63,3%.

Метод

В настоящем исследовании мы попытались выделить представления европейской политической элиты о причинах голосования французов и голландцев «против» конституции, чтобы представления элиты о евроскептиках можно было сравнить с причинами, выделенными избирателями-евроскеп-

тиками, в ситуации с референдумами по конституционному соглашению. Сведения о взглядах французских и голландских избирателей, проголосовавших «против» конституции, взяты из исследований Евробарометра, проведенных сразу же после референдумов (Eurobarometer, 2005a, 2005b). Чтобы выяснить мнение европейской политической элиты, широкому кругу представителей политической элиты, действующей на уровне ЕС, была разослана специально подготовленная анкета. Использование этих параллельных источников позволило выявить расхождения между восприятием элитой недовольства населения ЕС в сравнении с представлениями самого населения (в форме голосования «против» на референдуме) и проверить рабочую гипотезу, изложенную выше: члены политической элиты на уровне ЕС систематически неверно понимали природу вопроса о легитимности ЕС.

Выборка включала 198 членов Европейского парламента, 204 *fonctionnaires* Европейской комиссии, 25 членов комитета постоянных представителей, 48 членов *cabinets* комиссии⁴ и все 105 членов Европейского конвента. Это дало общую выборку из 580 опрошенных. Состав выборки должен был отражать баланс акторов, принимающих участие в политике на уровне ЕС (этим обусловлено присутствие большинства от Европейской комиссии и Европейского парламента и меньшая выборка из Совета), и политических акторов, имеющих прямое отношение к конституции (поэтому в выборку вошли все члены Европейского конвента). Также решено было не учитывать наиболее высокопоставленных политических акторов, вроде национальных министров и коллегии Европейской комиссии, из-за высокой вероятности того, что процент ответивших в этой группе будет очень низким. Связь с выборкой сначала производилась с помощью электронной почты, что минимизировало усилия, необходимые для ответа. Чтобы получить достаточный процент ответивших, опрошенным гарантировалась анонимность и трижды высылались напоминания (в общей сложности было четыре контакта с респондентами), так как такие меры обычно повышают отдачу (см.: Czaja and Blair, 2005, 209, 213). Опросы по электронной почте сопряжены с множеством проблем, включая трудности, связанные с форматированием анкет таким образом, чтобы они были совместимы с различными системами электронной почты, вероятностью использования неверных адресов электронной почты и сложностями с обеспечением анонимности при ответах (Czaja and Blair, 2005, 227–228). Поэтому во избежание любых проблем, связанных с этим методом, два напоминания из трех высылались обычной почтой. Кроме того, чтобы предоставить больше возможностей для ответа, ответы собирались на протяжении одного года (с сентября 2005 по сентябрь 2006). Процент ответивших оказался достаточным — 121 ответ (21%), — особенно учитывая существование известной проблемы с опросами элиты, связанными с занятостью политиков и чиновников (Smith and Hay, forthcoming) и нежеланием давать письменные ответы на потенциально спорные вопросы (Hooghe, 2002). Также отметим, что в абсолютном выражении 121 ответ

4 Они были отобраны при помощи систематической случайной выборки.

от акторов ЕС, занимающих различные должности и представляющих различные страны и партии, способствует пониманию мнения большинства акторов из числа элиты (подобное мнение высказывается также в: *Vochel and Defty, 2007*). Кроме того, ответы были достаточно репрезентативными (см.: Табл. 1). И только в двух случаях в доле ответивших имеются значительные⁵ перекосы. Группа Партии европейских социалистов представлена особенно сильно (22% ответивших), а группа Европейской народной партии и Европейских демократов представлена недостаточно (12% ответивших). Также нужно отметить, что 47% ответивших не заявили о своей партийной принадлежности, так что искажения в партийном представительстве не следует считать отражением выборки в целом. Кроме того, чтобы избежать потенциальных искажений данных в результате такого перекоса в партийных ответах, все утверждения, сделанные в этой статье, проверены на наличие или отсутствие связи между ответами и партийной принадлежностью отвечавших.

Что касается вопросов, то респондентам было предложено два вопроса: «Какой из факторов сыграл, на Ваш взгляд, наиболее важную роль во [французском/ голландском] голосовании „против“ европейской конституции?» Затем участникам предлагался перечень ключевых факторов, составленный на основе действительных ответов, которые были получены Евробарометром (*Eurobarometer, 2005a, 2005b*) при опросах французских и голландских граждан (перечень факторов см.: Приложение А). В анкете также содержалась просьба ответить еще на один вопрос: «Нужно ли предпринять новую попытку принять пересмотренную европейскую конституцию?» Цель этого вопроса состояла в определении того, насколько члены европейской политической элиты считали проблемы, связанные с принятием европейского конституционного соглашения, преодолимыми. Наконец, опрошенных просили указать: «Какая мера лучше всего способна повысить общественную поддержку европейской интеграции?». И вновь им была предоставлена возможность выбрать из предложенного перечня (см.: Приложение Б). Целью здесь было выявление средств, при помощи которых европейская политическая элита надеялась повысить легитимность ЕС.

Решение сравнить результаты опроса элиты с результатами опросов, проведенных Евробарометром после референдума, далось непросто, особенно учитывая существование альтернативных опросов, проведенных во Франции и Нидерландах сразу же после оглашения результатов референдума⁶. В случае с Францией альтернативные опросы включают опросы на выходе с избирательных участков, проведенные IPSOS (2005), и опросы после референдума, проведенные TNS SOFRES (2005) (любопытное сравнение основных результатов различных опросов, проведенных после референдумов,

5 Под значительным перекосом в доле ответивших здесь понимается разница более 10%.

6 Я признателен одному из анонимных рецензентов, который обратил мое внимание на эти альтернативные источники данных.

Таблица 1. Процент ответов

	% от выборки	% респондентов (из числа ответивших)	Разница (%)
Должность			
Fonctionnaire	35	42	+7
Член Европейского парламента (включая делегатов Конвента)	37	40	+3
Член Cabinet	8	4	-4
Комитет постоянных представителей	4	6	+2
Европейский конвент (за исключением членов Европейского парламента)	15	9	-6
Страна			
Бельгия	3	11	+8
Чешская республика	3	4	+1
Дания	2	4	+2
Германия	14	8	-6
Эстония	1	0	-1
Греция	3	4	+1
Испания	7	2	-5
Франция	11	11	0
Ирландия	2	5	+3
Италия	11	4	-7
Кипр	1	0	-1
Литва	2	1	-1
Люксембург	1	3	+2
Венгрия	3	3	0
Латвия	1	2	+1
Мальта	1	2	+1
Нидерланды	4	4	0
Австрия	2	0	-2
Польша	7	3	-4
Португалия	3	6	+3
Словения	1	3	+2

Продолжение табл.1

	% от выборки	% респондентов (из числа ответивших)	Разница (%)
Словакия	2	1	- 1
Финляндия	2	4	+ 2
Швеция	3	5	+ 2
Великобритания	11	12	+ 1
Партийная принадлежность			
Европейская народная партия (включая Европейских демократов)	36	24	- 12
Партия европейских социалистов	27	49	+ 22
Европейская либерально- демократическая партия	12	16	+ 4
Зеленые/Европейский свободный альянс	6	3	- 3
Объединенные европейские левые/Северные зелено- левые	6	0	- 6
Союз за Европу наций	4	2	- 2
Независимость и демократия	4	3	- 1

см.: Ricard-Nihoul, 2005). Точно так же в Нидерландах после референдума в опросах на выходе с избирательных участков, среди прочих, приняла участие Interview-NSS⁷ (обзор результатов см.: Harmsen, 2005). Но по ряду причин в настоящем исследовании мы использовали именно опрос Евробарометра. Во-первых, он предлагает наиболее глубокое понимание мотивов, которыми руководствовались избиратели проголосовавшие «против» конституции в обеих странах. Так, если опрос IPSOS выделил восемь категорий мотивов для голосования «против», а Interview-NSS — ю наиболее часто озвучиваемых мотивов, то Евробарометр в обоих случаях выделил 18 различных мотивов. Во-вторых, опросы Евробарометра допускал меньшее число возможных ответов от одного респондента, чем альтернативные опросы в обеих странах, позволяя тем самым лучше оценить, какое значение придавали избиратели, проголосовавшие «против», тем или иным мотивам.

7 Краткие результаты этого опроса см.: http://www.nos.nl/nosjournaal/dossiers/eur-opesegrondwet/020605_tabel_redenen.html.

Так, если суммарные ответы на опрос IPSOS составляли 282% (т. е. в среднем каждый респондент привел три (из восьми) мотивов), то французский опрос Евробарометра составил всего 186%. Точно так же в Нидерландах опрос Interview-NSS выделил 10 главных мотивов, названных избирателями, проголосовавшими против конституции, что суммарно составило 455%, тогда как в опросе Евробарометра соответствующий показатель составил 157%. Поэтому опросы Евробарометра предлагают намного лучшее понимание значения, придаваемого определенным мотивам, поскольку респонденты выделяли меньшее число (более важных) мотивов. В-третьих, опросы Евробарометра представляют собой «официальный» опрос относительно мотивов избирателей, проголосовавших против конституции во Франции и Нидерландах. И, поскольку они проводились самой Европейской комиссией, а результаты были опубликованы раньше, чем был проведен опрос элиты, можно предположить, что акторы из числа элиты, действующей на уровне ЕС, имели доступ к этой информации и были склонны доверять ей. Расхождения же между результатами опроса Евробарометра и взглядами политической элиты ЕС на мотивы голосования «против» свидетельствуют о представлениях членов самой элиты о мотивах такого голосования. Наконец, официальный характер опросов Евробарометра и тот факт, что они проводились одной и той же организацией, гарантируют единство метода, использованного для этих двух опросов (неэлиты), делая их особенно подходящими для сравнения. Несмотря на все достоинства данных Евробарометра, все значимые результаты перепроверялись, когда это было возможно, при помощи результатов опросов IPSOS (Франция) или Interview-NSS (Нидерланды), чтобы подтвердить достоверность сделанных выводов. В каждом случае альтернативные данные использовались для установления новых значений хи-квадрата и значения вероятностей не превышали 0,05, за исключением одного случая (см. ниже), подтверждая тем самым сделанные предположения.

Результаты

Ответы на первые два вопроса представлены в Табл. 2. Из нее видно, что для Франции и Нидерландов факторы, названные членами политической элиты Европы, были различными. В случае с французским референдумом, опасения, связанные с экономической либерализацией (33%), протестное голосование против национального правительства (27%) и недовольство состоянием национальной экономики (14%) были факторами, называемыми обычно при объяснении голосования «против». В случае с голландским референдумом такими наиболее часто называемыми факторами были антиевропейские / националистические настроения (16%), недовольство более глубокой интеграцией (14%), недовольство возможным принятием в ЕС Турции (13%) и недовольство политической системой Европы (12%). Для сравнения этих ответов с действительными ответами населения Франции и Голландии в опросах Евробарометра различные ответы были сгруппированы

Таблица 2. Факторы, названные европейской политической элитой при объяснении голосования французского и голландского населения против конституции (в %)

	Франция	Нидерланды
Неприятие ЕС/евроскептицизм/национализм	6	16
Недовольство «более глубокой» интеграцией ЕС	1	14
Боязнь экономической либерализации/конституция слишком «неолиберальна»	33	0,4
В конституции недостаточно отражена «социальная Европа»	2	0
ЕС слишком сильный	1	5
Недовольство политической системой Европы	1	12
Недовольство национальными правительствами	27	6
Недовольство состоянием экономики в стране	14	3
Недовольство расширением 2004 года	2	2
Недовольство будущим расширением	3	6
Недовольство возможным принятием Турции в ЕС	4	13
Недемократическая конституция	0	0
Бессмысленность конституции	0	0,2
Неспособность понять конституцию	5	8
Другое	2	13

по шести различным категориям: недовольство европейской интеграцией и/или поддержка национального суверенитета; недовольство (неолиберальной) экономической моделью ЕС; недовольство формой европейской конституции; недовольство расширением; неспособность понять конституцию; и недовольство ситуацией в собственной стране. Ответы, отнесенные к «другому», были либо перекодированы, когда это было возможно, либо забракованы, когда они были слишком разнообразными, чтобы можно было сделать общие выводы о взглядах европейской политической элиты (см.: Приложение В). Задача группировки этих переменных состояла в облегчении сравнения общих тенденций во мнениях европейской политической элиты и французского и голландского населения, делая тем самым возможным сравнение причин, по которым население голосовало «против», и представлений европейской политической элиты об этих причинах. Это агрегирование ответов облегчило сравнение опросов благодаря группировке схожих, хотя иногда и по-разному сформулированных мотивов. Это также повысило вероятность проведения действительных статистических сравнений между ответами, хотя, возможно, и сделало понимание мотивов избирателей для голосования «против» конституции и восприятия элитой этих

мотивов несколько более грубым. Кроме того, результаты в Табл. 2 и опросах Евробарометра (Eurobarometer, 2005a, 2005b) могут быть использованы для проведения более детальных сравнений.

На Диагр. 1 и 2 представлено сравнение результатов опроса элиты и действительных ответов населения в опросах Евробарометра. Эти цифры показывают очевидный разрыв между факторами, выделенными членами политической элиты при объяснении французского и голландского голосования против конституции, и действительными причинами, названными самими избирателями. Эти различия видны более отчетливо в Табл. 3 и 4, которые показывают процентную разницу между частотой, с которой определенный фактор выделялся членами политической элиты при объяснении неприятия европейской конституции, и частотой, с которой этот фактор выделялся французами и голландцами, проголосовавшими «против», с тестом хи-квадрат на связь между принадлежностью респондента к политической элите и фактором, названным при объяснении голосования против конституции. Для тех тестов хи-квадрат, которые дали значение вероятности меньше 0,01, мы можем признать значимую связь между переменной, оценивающей принадлежность респондента к европейской политической элите, и выделением им определенного каузального фактора в объяснении причин голосования «против» конституции. Факторы, в которых ответы заметно различались в зависимости от принадлежности / непринадлежности к политической элите, выделены в Табл. 3 и 4 жирным шрифтом⁸. Кроме того, для каждого из ответов, для которых была выявлена значимая связь, был проведен дополнительный тест хи-квадрат для оценки возможного влияния перекосов в партийной принадлежности к Партии европейских социалистов и Европейской народной партии. Ни в одном из этих случаев значимой связи между принадлежностью к этим партиям и данными ответами не было выявлено, поэтому возможность значительного партийного перекоса в ответах не исказила результаты исследования.

В случае с французским референдумом, в Табл. 3 наблюдается значительная недооценка политической элитой Европы неприятия французским населением формы, которую приняла европейская конституция. Так, 6% респондентов в опросе Евробарометра назвали свое недовольство формой конституции (особенно ее недемократичность и бессодержательность) причиной голосования против конституции, но ни один респондент в опросе элиты не назвал этого фактора. Мы также наблюдаем значительную пере-

8 Степень, в которой голосование было общим выражением недовольства европейской интеграцией и / или защитой национального суверенитета, переоценивалась респондентами в опросе в случае с Нидерландами. Но, поскольку это был наиболее часто называемый населением фактор, возможно, что высокий показатель выделения этого фактора среди элиты отражает формулировку вопросов в опросе элиты (когда респондентов просили выделить только один фактор, который они считали наиболее важным в голосовании «против») (см. ниже раздел «Анализ результатов»). Поэтому этот результат не считается значимым и не выделяется в таблице жирным шрифтом.

Диаграмма 1. Причины голосования против конституции, названные элитой и неэлитой на референдуме во Франции

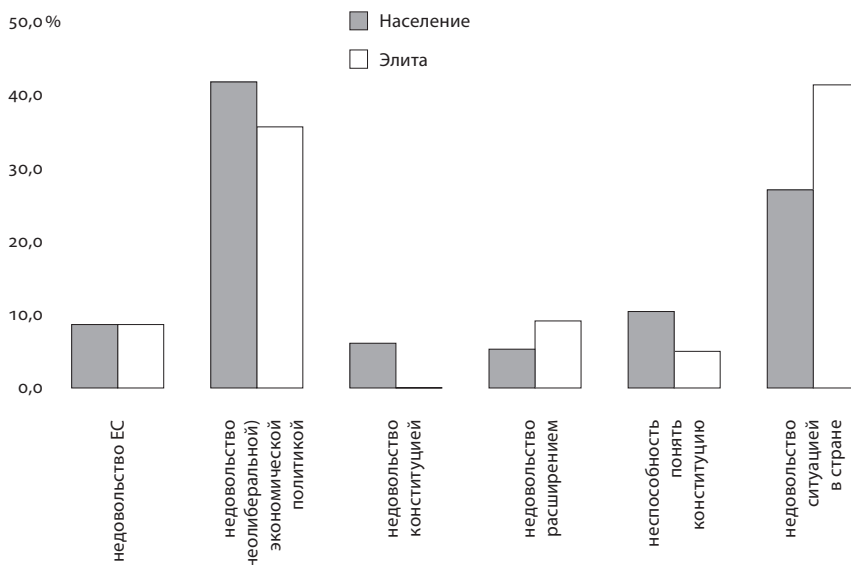

Диаграмма 2. Причины голосования против конституции, названные элитой и неэлитой на референдуме во Нидерландах

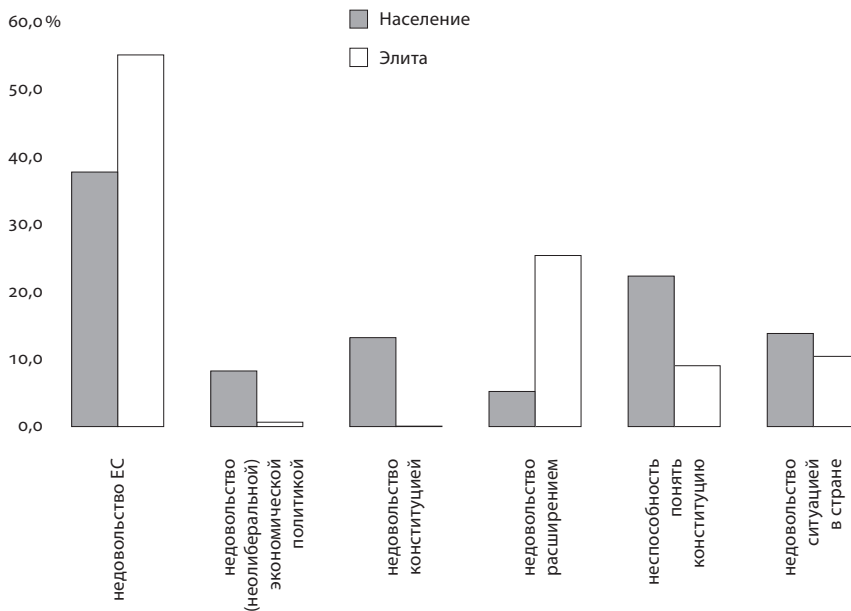

Таблица 3. Сравнение представлений элиты и ответов населения—Франция

	Основная причина, названная элитой (%)	Основная причина, названная населением (%)	Разница	χ^2
Недовольство европейской интеграцией/защита национального суверенитета	9	9	0	0,01
Недовольство (неолиберальной) экономической моделью ЕС	36	42	-6	1,79
Недовольство формой европейской конституции	0	6	-6	7,75*
Недовольство расширением	9	6	+3	2,67
Неспособность понять конституцию	5	11	-6	3,49
Недовольство ситуаций в стране	41	27	+14	10,94*

* $P < 0.01$.

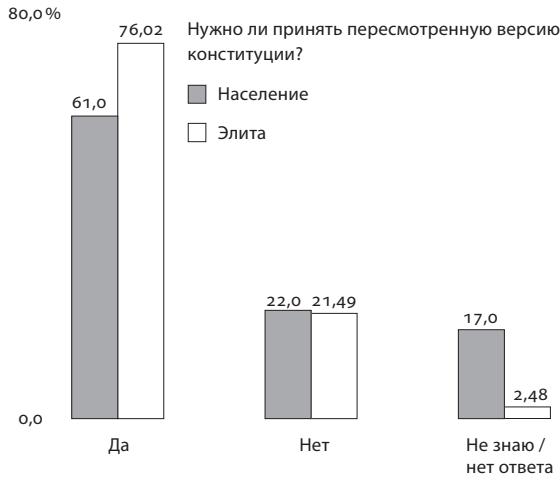
Таблица 3. Сравнение представлений элиты и ответов населения—Нидерланды

	Основная причина, названная элитой (%)	Основная причина, названная населением (%)	Разница	χ^2
Недовольство европейской интеграцией/защита национального суверенитета	55	38	+17	12.42 ^{*а}
Недовольство (неолиберальной) экономической моделью ЕС	1	8	-7	9.43*
Недовольство формой европейской конституции	0	13	-13	15.69*
Недовольство расширением	25	5	+20	60.46*
Неспособность понять конституцию	9	22	-13	10.65*
Недовольство ситуаций в стране	10	14	-4	0.95

* $P < 0.01$.

^{*а} Этот результат не считается значимым из-за возможности того, что он отражает формулировку вопроса, а не разрыв между представлениями элиты и реальностью.

Диаграмма 3. Представления о необходимости принятия пересмотренной европейской конституции

оценку степени, в которой голосование против конституции, было проявлением недовольства ситуацией в стране. Так, 41% респондентов из числа элиты считал, что голосование «против» отражало недовольство ситуацией в стране (экономической или политической), но среди французского населения такие мотивы назвало только 27%.

В случае с голландским референдумом также имели место заблуждения относительно факторов, приведших к голосованию «против». Члены европейской политической элиты заметно переоценили степень недовольства расширением ЕС среди голландских избирателей. 25% респондентов из числа элиты считали, что голландское голосование против конституции было голосованием против расширения, но только 5% населения действительно заявили об этом. Кроме того, респонденты из числа элиты существенно недооценивали недовольство (неолиберальной) экономической моделью ЕС (1% среди элиты и 8% среди населения), степень недовольства формой конституции (ни один представитель элиты и 13% населения)⁹ и неспособность населения понять конституцию (9% среди элиты и целых 22% среди населения)¹⁰.

9 В опросе Interview-NSS нет ни одного ответа, который можно было бы отнести к этой категории (недовольство формой конституции), что в этом случае мешает сравнению. Это отчасти отражает общие выражения, использованные в нем, включая «рост бюрократии» и «ЕС имеет больше недостатков, чем достоинств», которые при более детальном опросе могут подпадать под эту категорию.

10 Опрос, проведенный Interview-NSS, не подтверждает существование такого разрыва, так как в нем доля респондентов, назвавших «Плохое предоставление информации» причиной голосования «против», примерно совпадала с долей членов элиты, назвавших такой причиной неспособность понять конституцию.

Диаграмма 4. Факторы, способные повысить поддержку ЕС среди населения, по партиям

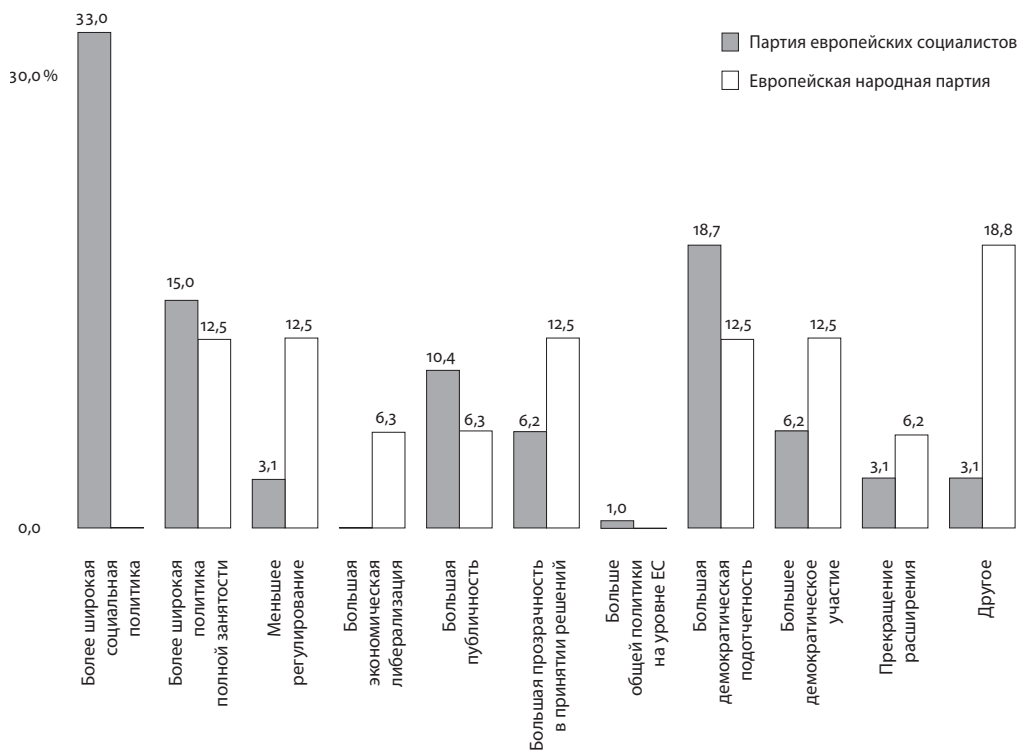

Таблица 5. Представления элиты о факторах, которые способны повысить поддержку ЕС среди населения

Более широкая социальная политика	11
Более широкая политика полной занятости	8
Меньшее регулирование	7,5
Большее регулирование	0
Большая экономическая либерализация	2
Большая публичность	10
Большая прозрачность в принятии решений	9
Меньшие расходы на уровне ЕС	0
Больше общей политики на уровне ЕС	3
Большая демократическая подотчетность	17
Большее демократическое участие	13
Прекращение расширения	3
Другое	17

В ответ на вопрос о том, нужно ли пытаться принять пересмотренный вариант европейской конституции, результаты показывают явное предпочтение политической элиты Европы и дальше пытаться принять европейскую конституцию с 76% респондентов, выступивших в поддержку принятия конституции (см.: Диагр. 3). В действительности, это очень близко к ответу европейского населения в последнем опросе Евробарометра, в котором 61% респондентов заявил, что они поддерживают конституцию ЕС (Eurobarometer, 2006). И если исключить из опросов ответы «не знаю/нет ответа», то между ответами в опросах элиты и Евробарометра нет существенных различий. Таким образом, единственный ответ, в котором действительно имеется значимое различие, — это ответ «не знаю/нет ответа» с 2,5% ответов элиты и 17% ответов в опросе Евробарометра ($t=18,1$; $P < 0,01$).

Наконец, в ответ на вопрос, какой фактор способен повысить поддержку ЕС среди населения, мы наблюдаем довольно равномерное распределение ответов между различными факторами (см.: Табл. 5). Любопытно, что некоторые из наиболее часто называемых факторов относились к областям, связанным с «дефицитом демократии» в ЕС, включая необходимость большей демократической подотчетности и большего демократического участия, что явно контрастирует с элитарным подходом к разработке самой конституции. Это, в какой-то степени, иллюстрирует двойственность проблемы легитимации ЕС, в которой действия, необходимые для легитимации ЕС, не всегда желательны или практически осуществимы для акторов на уровне ЕС (Bailey, 2006). Также любопытно, что результаты показывают заметную разницу между ответами членов двух основных партий (см.: Диагр. 4). Так, примечательно, что члены Партии европейских социалистов чаще всего говорят об усилении социальной политики (33%), но ни один член Европейской народной партии не назвал социальную политику средством повышения популярности ЕС. Более того, 12,5% членов Европейской народной партии посчитали дерегулирование одним из ключевых факторов, способных повысить популярность ЕС, в отличие от всего 3,1% в Партии европейских социалистов.

Анализ результатов

Между представлениями европейской политической элиты и представлениями населения о легитимации ЕС существует очевидный разрыв, по крайней мере в том, что касается непринятия европейской конституции. Здесь можно сделать немало интересных наблюдений. Прежде всего — и это, наверное, наиболее поразительно — в обоих случаях респонденты из числа элиты не смогли распознать недовольства формой конституции в своем объяснении того, почему она не была принята. Это интересно, потому что это иллюстрирует заблуждения среди европейской элиты относительно причин разочарования населения в ЕС и потому что это можно истолковать как попытку членов европейской политической элиты снять с себя вину за провал важного элемента проекта европейской интеграции. Интерпретацию

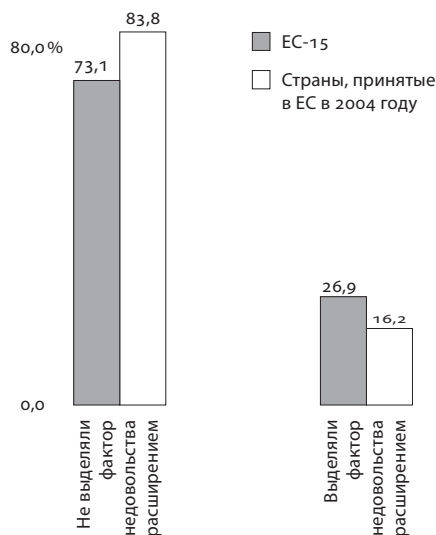
голосования «против» как открытое неприятие действительной конституции можно считать наиболее неприятной для европейской политической элиты (поскольку она отражает критику общей программы европейской интеграции и более прямую критику определенной политической инициативы, разработанной самими членами европейской политической элиты). Поэтому значительную недооценку важности формы конституции в понимании голосования против нее в каждой из стран можно рассматривать как попытку переистолковать народное недовольство в менее негативном ключе. Эта точка зрения подтверждается дебатами после проведения референдума, в которых была предпринята попытка представить голосование против конституции как нечто совершенно иное, нежели неприятие самой европейской конституции. Например, на пленарных дебатах Европейского парламента, которые последовали за референдумами, председатель Европейской комиссии Жозе Мануэл Баррозу заявил:

Мы должны с уважением отнестись к волеизъявлению граждан, но нам нужно честно признать, что эти дебаты часто смешивались с проблемами отдельных стран и что иногда споры имели мало общего с европейской конституцией (выступление перед Европейским парламентом 8 июня 2005 года).

Точно так же в своей книге о европейской конституции член Европейского Парламента Эндрю Дафф (Европейская либерально-демократическая партия), горячий сторонник конституции, отмечает, что «при всех своих бесспорных достоинствах конституция ЕС была незащищена от голосования против нее тех, кто был не согласен с какими-то совершенно иными, внутренними вещами» (Duff, 2005, 187). Это также подтверждается результатами, полученными другими исследователями (Brouard and Tiberj, 2006), которые приводят статистические свидетельства, опровергающие то, что они называют объяснением голосования «против» из «политического недоверия» (представление, что это был «вотум недоверия, связанный с внутригосударственными проблемами, а не с самой европейской проблемой»), несмотря на значение, придаваемое этому фактору европейской политической элитой. Итак, наше первое наблюдение состоит в том, что члены европейской политической элиты, по-видимому, недооценивают степень, в которой голосование против европейской конституции было открытой критикой самой конституции, возможно, пытаясь снять с себя вину за политический провал. Это особенно показательно, если принять во внимание перекладывание вины с уровня ЕС на уровень национальных акторов (см., напр.: Koenig-Archibugi, 2004).

Во-вторых, если согласиться с этой идеей перекладывания вины, то факторы, которые переоцениваются или на которые перекладывается вина респондентами из числа элиты, также представляют определенный интерес. И в случае с Францией и Нидерландами имелся фактор (в обоих случаях разный), переоцененный элитой. В случае с Францией респонденты существенно переоценили степень, в которой голосование «против» было выра-

Диаграмма 3. Представления о необходимости принятия пересмотренной европейской конституции

жением недовольства (экономической или политической) ситуацией в стране. Это означает, что члены европейской политической элиты были особенно склонны видеть в голосовании «против» проявление недовольства тем, что не вытекало напрямую из их собственной политики и практик. В случае с Нидерландами, напротив, респонденты переоценили степень, в которой голосование «против» было протестом против расширения ЕС. Это также может отражать перекалывание вины на внешние факторы, в данном случае на проблемные государства, которые не участвуют (или не участвовали) в процессе европейской интеграции. Эта интерпретация в какой-то степени подтверждается при сравнении распределения ответов элиты по стране принадлежности — из стран, вступивших в ЕС в 2004 году, или из 15 стран, которые составляли ЕС до 2004 года (см.: Диагр. 5). Респонденты считали недовольство расширением причиной голосования против конституции на 10% менее вероятным, если они представляли одну из стран, вступивших в ЕС в 2004 году.

В-третьих, что касается ответов элиты на вопрос, нужно ли принять пересмотренную версию европейской конституции, как уже было отмечено ранее, наиболее важное открытие состоит в том, что европейские граждане в опросе Евробарометра были менее склонны давать твердое «да» или «нет», чем представители элиты. Это, возможно, свидетельствует о (вполне понятной) большей вовлеченности европейской политической элиты в эту проблему по сравнению с европейским населением в целом.

Наконец, ответ на вопрос о факторах, которые способны повысить поддержку ЕС, показывает, что восприятие проблемы легитимности ЕС и ее потенциальных решений среди элиты во многом зависит от идеологических

пристрастий. Поскольку социальная политика на уровне ЕС была основным требованием Партии европейских социалистов, а дерегулирование ассоциировалось с позицией Европейской народной партии (складывание этих позиций на уровне ЕС происходило с середины 1990-х; см.: Gabel and Nix, 2002), результаты свидетельствуют о склонности политиков отождествлять ключевые элементы политической программы собственной партии со средствами повышения популярности ЕС. Хотя в какой-то степени в этом нет ничего особенно удивительно, тем не менее стоит отметить, что такие различные мнения не могут быть верными. Поэтому партийные политики рассматривают проблему европейской легитимности и ее возможные решения в терминах, которые подтверждают (а не опровергают) их изначальную точку зрения. Это также может служить причиной политической инерции: проявление разочарования среди населения истолковывается европейской политической элитой сквозь концептуальные линзы, которые подтверждают, а не опровергают существующие взгляды на ЕС.

Возможные возражения

Могут возразить, что просьба к респондентам выделить фактор, лучше всего объясняющий голосование против конституции во Франции и Нидерландах, привела к искажению ответов в пользу наиболее важных факторов и отвлекла внимание от факторов, упоминаемых реже, так что приведенные результаты могут отражать избранную методологию исследования, а не разрыв между представлениями европейской политической элиты и населения. Но, несмотря на возможность этого, такая критика не подкрепляется эмпирическими результатами. На самом деле результаты показывают, что действительная переоценка и недооценка факторов не ограничивалась наиболее важными и наименее важными факторами, что позволяет опровергнуть утверждение, что искажения отражают постановку вопроса, а не действительное расхождение между представлениями элиты и остального населения. Например, в случае с Францией наиболее переоцененный фактор (выражение недовольства ситуацией в стране) был вторым из наиболее часто называемых факторов в опросе Евробарометра, а фактор, называемый чаще всего (недовольство экономической моделью), в опросе элиты оказался недооцененным. В случае же с Нидерландами наиболее переоцененным фактором в опросе элиты был реже всего упоминаемый фактор в опросе Евробарометра (недовольство расширением), а самым недооцененным фактором был средний по частоте упоминаний из опроса Евробарометра (недовольство формой конституции). Поэтому разрыв между мнением элиты об общественном мнении и самим общественным мнением не следует считать следствием постановки вопроса в анкете.

Второе возражение может касаться различий в методологии двух опросов, особенно в требовании выделить только один фактор в опросе элиты, в отличие от неограниченного числа ответов в опросе Евробарометра. Но следует отметить, что в опросе Евробарометра респонденты выделя-

ли в среднем меньше двух факторов, что существенно снижает вероятность того, что такое различие в методах могло привести к различным результатам. Вероятность этого удалось еще больше снизить в результате решения учитывать все ответы, данные в опросе элиты, если респонденты называли больше одного фактора. Такое решение (попытаться) ограничить ответы в опросе элиты одним фактором определялось стремлением исключить для респондентов возможность выбора нескольких вариантов ответа и ранжирования факторов по степени их влияния.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем исследовании был рассмотрен разрыв между представлениями элиты и населения Европы относительно европейской легитимации. Для этого было проведено исследование голосования против европейской конституции на референдумах 2005 года во Франции и Нидерландах. В результате выяснилось, что политические акторы, действующие на наднациональном уровне, склонны перекладывать вину за политический провал на политических акторов, действующих на национальном уровне, или на проблемы, существующие за пределами ЕС (в форме недовольства расширением). Исследование также выяснило, что члены политической элиты были вовлечены в дебаты о будущей европейской конституции гораздо сильнее, чем остальное население Европы. Наконец, мы выявили значительный партийный разрыв между факторами, которые способны повысить популярность ЕС, свидетельствующий о том, что политические акторы интерпретируют опыт политического провала и политической непопулярности в терминах, которые подтверждают их идеологические взгляды, а не заставляют в них усомниться. Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что сложности, которые испытывает европейская политическая элита в своих попытках легитимировать ЕС, отчасти отражают ее склонность (пере) интерпретировать опыт политического провала в ключе, который отвлекает внимание от открытой критики инициатив на уровне ЕС и /или подтверждает существующие идеологические представления.

Перевод с английского Артема Смирнова

ЛИТЕРАТУРА

- Aarts, K. and van der Kolk, H. (2006) «Understanding the Dutch „No“: the Euro, the East, and the Elite», *PS: Political Science and Politics* 39 (2): 243–246.
- Bailey, D.J. (2006) «Governance or the crisis of Governmentality? Applying critical state theory at the European level», *Journal of European Public Policy* 13 (1): 16–33.
- Berman, S. (2001) «Ideas, norms, and culture in political science», *Comparative Politics* 33 (2): 231–250.
- Bevir, M. and Rhodes, R. A. W. (2003) *Interpreting British Governance*, London: Routledge.
- Bhaskar, R. (1975 [1997]) *A Realist Theory of Science* (2nd edn), London: Verso.
- Bhaskar, R. (1998) *The Possibility of Naturalism: A Philosophical Critique of the Contemporary Human Sciences*, (3rd edn), London: Routledge.

- Blyth, M. (1997) «Any more bright ideas?», *Comparative Politics* 29 (2): 229–250.
- Blyth, M. (2002) *Great Transformations: Economic Ideas and Institutional Change in the Twentieth Century*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Bochel, H. and Defty, A. (2007) «„MPs“ attitudes to welfare: a new consensus?», *Journal of Social Policy* 36 (1): 1–17.
- Brouard, S. and Tiberj, V. (2006) «The French referendum: the not so simple act of saying nay», *PS: Political Science and Politics* 39 (2): 261–268.
- Checkel, J. T. (2001) «Why comply? Social learning and European identity change», *International Organization* 55 (3): 553–588.
- Christiansen, T., Jørgensen, K. E. and Wiener, A. (eds.) (2001) *The Social Construction of Europe*, London: Sage.
- Czaja, R. and Blair, J. (2005) *Designing Surveys: A Guide to Decisions and Procedures* (2nd edn), London: Pine Forge Press.
- Dinan, D. (2004) «Governance and institutions: the convention and the intergovernmental conference», *Journal of Common Market Studies* 42 (Annual Review): 27–42.
- Duff, A. (2005) *The Struggle for Europe's Constitution*, London: Federal Trust.
- Eriksen, E. O. and Fossum, J. E. (2004) «Europe in search of legitimacy: strategies of legitimation assessed», *International Political Science Review* 25 (4): 435–459.
- Eurobarometer (2005a) *The European Constitution: Post-referendum survey in France*, Brussels: European Commission, Available at http://www.europa.eu.int/comm/public_opinion/flash/fl171_en.pdf.
- Eurobarometer (2005b) *The European Constitution: Post-referendum survey in the Netherlands*, Brussels: European Commission, Available at http://www.europa.eu.int/comm/public_opinion/flash/fl172_en.pdf.
- Eurobarometer (2006) *Eurobarometer 65: Public Opinion in the European Union*, Brussels: European Commission, Available at http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb65/eb65_first_en.pdf.
- European Council (2001) «The future of the European union — Laeken declaration», Available at: http://europa.eu.int/constitution/futurum/documents/offtext/doc151201_en.htm.
- Finlayson, A., Bevir, M., Rhodes, R. A. W., Dowding, K. and Hay, C. (2004) «The interpretive approach in political science: a symposium», *British Journal of Politics and International Relations* 6 (2): 129–164.
- Flockhart, T. (2005) «Critical junctures and social identity theory: explaining the gap between Danish mass and elite attitudes to Europeanization», *Journal of Common Market Studies* 43 (2): 251–271.
- Gabel, M. and Hix, S. (2002) «Defining the EU political space: an empirical study of the European elections manifestos, 1979–1999», *Comparative Political Studies* 35 (8): 934–964.
- Hainsworth, P. (2006) «France says no: the 29 May 2005 referendum on the European constitution», *Parliamentary Affairs* 59 (1): 98–117.
- Hall, P. A. (1993) «Policy paradigms, social learning and the state: the case of economic policy-making in Britain», *Comparative Politics* 25: 175–196.
- Harmsen, R. (2005) «The Dutch referendum on the ratification of the European constitutional treaty 1 June 2005», European Parties Elections and Referendums Network: Referendum Briefing Paper No. 13, Available at <http://www.sussex.ac.uk/sei/1-4-2-9.html>.
- Hay, C. (1995) «Structure and Agency», in D. Marsh and G. Stoker (eds.) *Theory and Methods in Political Science*, Basingstoke: Macmillan, pp. 189–206.
- Hay, C. (2002) *Political Analysis: A Critical Introduction*, Basingstoke: Palgrave.
- Hay, C. (2004) «Taking ideas seriously in explanatory political analysis», *British Journal of Politics and International Relations* 6 (2): 142–149.
- Hix, S. (2005) *The Political System of the European Union: Second Edition*, Basingstoke: Palgrave.
- Hooghe, L. (2002) *The European Commission and the Integration of Europe: Images of Governance*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Hooghe, L. (2003) «Europe divided? Elites vs public opinion on European integration», *European Union Politics* 4 (3): 281–304.
- Hooghe, L., Marks, G. and Wilson, C. J. (2002) «Does left/right structure party positions on European integration?», *Comparative Political Studies* 35 (8): 965–989.
- IPSOS (2005) *La Banque des sondages: Referendum 29 Mai 2005: Le sondage sorti des urnes*, Available at: <http://www.ipsos.fr/Canallpsos/poll/8074.asp>.

- Ivaldi, G. (2006) «Beyond France's 2005 referendum on the European constitutional treaty: second-order model, anti-establishment attitudes and the end of the alternative European utopia», *West European Politics* 29 (1): 47–69.
- Kohler-Koch, B. (2000) «Framing: the bottleneck of constructing legitimate institutions», *Journal of European Public Policy* 7 (4): 513–531.
- Koenig-Archibugi, M. (2004) «International governance as new *raison d'Etat*? The case of the EU common foreign and security policy», *European Journal of International Relations* 10 (2): 147–188.
- Lord, C. and Beetham, D. (2001) «Legitimizing the EU: is there a „Post-parliamentary Basis“ for its legitimation?» *Journal of Common Market Studies* 39 (3): 443–462.
- McAnulla, S. (2005) «Making hay with actualism? The need for a realist concept of structure», *Politics* 25 (1): 31–38.
- McNamara, K.R. (1998) *The Currency of Ideas: Monetary Politics in the European Union*, Ithaca: Cornell University Press.
- Magnette, P. and Nicolaidis, K. (2004) «The European convention: bargaining in the shadow of rhetoric», *West European Politics* 27 (3): 381–404.
- Mather, J. (2006) *Legitimizing the European Union: Aspirations, Inputs and Performance*, Basingstoke: Palgrave.
- Milner, H. (2006) «„YES to the Europe I want; NO to this one“. Some reflections on France's rejection of the EU Constitution», *PS: Political Science and Politics* 39 (2): 257–260.
- O'Reilly, D. (2005) «Social inclusion: a Philosophical Anthropology», *Politics* 25 (2): 80–88.
- Patomäki, H. and Wight, C. (2000) «After postpositivism? The promises of critical realism», *International Studies Quarterly* 44: 213–237.
- Quaglia, L. (2005) «Civil servants, economic ideas, and economic policies: lessons from Italy», *Governance* 18 (4): 545–566.
- Qvortrup, M. (2006) «The three referendums on the European constitution treaty in 2005», *Political Quarterly* 77 (1): 89–97.
- Ricard-Nihoul, G. (2005) «The French „no“ vote on 29 May 2005: understanding and action», *Notre Europe, Studies and Research* No. 44, Available at http://www.notre-europe.eu/uploads/tx_publication/Etud44-en.pdf.
- Ryner, J.M. (2004) «Neo-liberalization of social democracy: the Swedish case», *Comparative European Politics* 2 (1): 97–119.
- Sayer, A. (1992) *Method in Social Science: A realist approach* (2nd edn), London: Routledge.
- Smith, N. and Hay, C. (forthcoming) «Mapping the political discourse of globalisation and European integration in the UK and Ireland empirically», *European Journal of Political Research*.
- Taggart, P. (2006) «Keynote article: questions of Europe—The domestic politics of the 2005 French and Dutch referendums and their challenge for the study of European integration», *Journal of Common Market Studies* 44 (Annual Review): 7–25.
- TNS Sofres (2005) «Le referendum du 29 Mai», conducted for TF1, RTL and Le Monde on 29 May, 2005.
- Wæver, O. (2004) «Discursive Approaches», in A. Wiener and T. Diez (eds.) *European Integration Theory*, Oxford: Oxford University Press, pp. 197–215.